

«ЖИТИЕ ПАПЫ СИЛЬВЕСТРА» И ПОИСКИ ИДЕИ ХРИСТИАНСКОЙ ИМПЕРИИ: ПРОБЛЕМЫ РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЦЕРКВИ В IV–VI вв.

Рассматривается формирование образа христианского императора Константина Великого в контексте процессов создания новых концепций власти в раннем Средневековье. «Житие папы Сильвестра» считалось текстом западного происхождения, однако оно было хорошо известно как на Западе, так и на Востоке. Его главная мысль была связана с установлением порядка в церковной иерархии, в равной степени выгодного как римскому епископу, так и патриархам восточной церкви, а именно «пентархии».

Ключевые слова: Житие папы Сильвестра; Константинов дар; образы власти в Средние века; поздняя Античность; раннесредневековые структуры власти.

Легенда о даровании императором Константином особых прав епископу Рима относится к разряду тех сюжетов, которые являются основополагающими для формирования самосознания католической церкви [1. S. 52]. С именем этого императора в Средневековье были связаны претензии римских пап не только на руководство всей западной церковью и главенство над светскими правителями Европы, но и на самостоятельность, даже верховенство в рамках христианской ойкумены, которые нашли свое выражение в документе, известном как образованным людям Средневековья, так и современным исследователям под названием «Константинов дар» («*Constitutum Constantini*»). Именно в легенде об этом даре отразились важнейшие средневековые представления о соотношении светской и церковной власти [2. S. 159–160].

Хорошо знакомый любому медиевисту «Дар» (а точнее, «Постановление Константина»), был составлен, как считается, в конце VIII или начале IX в. на основе сложившегося к тому времени корпуса текстов, главными из которых являлись «Житие папы Сильвестра», «Житие Константина и Елены» и «Об обретении креста» («*De inventione crucis*») [2. S. 160. Прим. 1; 3]. «Константинов дар» стал важным документом для оформления идеологии власти папства в Средние века, но после его разоблачения итальянским гуманистом Лоренцо Валлой в 1440 г. он приобрел особую популярность как показательный пример средневековой подделки. После выхода в свет работы Доллингера вопрос о его неподлинности, как казалось исследователям начала XX в., был закрыт. В своем труде немецкий исследователь поставил «Константинов дар» в один ряд с другими «баснями», связанными с римскими папами, надолго отложив необходимость его дальнейшего исследования [4]. И только недавно появился ряд интересных работ по данной тематике, авторы которых попытались заново проанализировать не столько сам процесс создания поддельного документа в раннем Средневековье, сколько обратиться к тому, как затронутые в нем сюжеты возникли, сформировались в поздней Античности и правильно ли они были поняты людьми раннего Средневековья, которые остановили на них свое внимание в поисках источников для легитимации претензий папства [5–8]. Процесс формирования и трансформации системы представлений, нашедших свое

выражение в «Константиновом даре» в раннем Средневековье, как показывает посвященная данному сюжету современная историография, является весьма актуальным.

На сегодняшний день очевидно, что историографическая традиция, сложившаяся в результате появления работы Лоренцо Валлы, и тот эффект, который производило его сочинение на последующие поколения историков, не совсем верно отражают процесс генезиса системы представлений, связанных с именем первого христианского императора Константина в поздней Античности, и превращения их в центральный для Средневековья элемент правового сознания. Историки традиционно считают принятие христианства Константином самым значительным для Европы событием [9. P. 3]. Некоторые даже говорят о том, что именно оно сделало Европу христианской [10]. Литература, посвященная этому вопросу, поистине огромна [6; 11. Прим. 4]. Однако значимость принятия христианства Константином и трактат Лоренцо Валлы привели к тому, что взгляд исследователей сфокусировался в первую очередь на самом императоре и на связанных с его именем легендах и текстах, а родственные по характеру жития стали своего рода дополнением этой картины. В частности, в течение достаточно долгого времени один из основополагающих текстов, сыгравший важнейшую роль в формировании легенды о Константине, а именно «Житие папы Сильвестра» («*Actus Silvestri*»), рассказывавший о крещении Константина в Риме папой Сильвестром и последующем даровании последнему права на суверенитет над всей церковью, присутствовал в традиции католической церкви только как сопутствующий сюжет в легенде о «Константиновом даре» [1. S. 52]. Историков, занимающихся Византией, интересовало в первую очередь жизнеописание Константина, поскольку на Востоке именно оно получило наибольшее распространение. Предметом рассмотрения для византинистов являлась легенда о Константине Великом в период от IV к IX в., а легенду о папе Сильвестре как самостоятельный сюжет они не затрагивали, не считая, что она имела какое-либо значение для византийской политической идеологии.

Св. Сильвестр – епископ эпохи Константина Великого, наряду со св. Мартином, относится к разряду важнейших святых западной церкви. Его культ, вместе с культом св. Мартина, озаменовал собой пере-

ход от почитания мучеников к почитанию исповедников на Западе. Таким образом, вышеупомянутые святые стали для западного мира эпохи поздней Античности и Средневековья центральными фигурами в пантеоне католической церкви. Св. Сильвестра считали превосходящим всех своими достоинствами и святостью: «[Remegius]... set et sanctitate ita praelatus, ut Silvestri virtutebus equaretur» [12]. Его имя было хорошо известно уже в поздней Античности, а легенда о нем относится к разряду тех сюжетов, которые лежат в основе становления самосознания западной церкви.

Обращение к легенде о папе Сильвестре актуально сегодня по ряду причин, несмотря на то что вопрос о недостоверности «Константинова дара» был давно решен. Исследователи XIX и начала XX в. считали установленным фактом, что текст документа был написан в Риме, хотя и сохранился в рукописях, выполненных к северу от Альп. Однако во второй половине XX в. была выдвинута идея о том, что «Константинов дар» мог быть на самом деле составлен во франкском королевстве как своего рода реверанс Карла Великого или Людовика Благочестивого в сторону папы. В недавнее время историки снова обратились к данной теме, подойдя к ней в первую очередь не с точки зрения подлинности, а сделав попытку расшифровать смысл, который вкладывала в легенду о Константине Великом и в сам документ мыслящая часть общества поздней Античности и раннего Средневековья.

В частности, «Константинов дар», как считается, был составлен вовсе не с целью закрепить монополию папства, а чтобы поддержать франкскую церковь в период установления единства власти, когда одновременно правили император и король Лотарь и фактически равные ему по статусу Людовик Немецкий и властитель Западно-франкского королевства Карл Лысый в 830–860-е гг. [8. P. 111–114]. Легенда о папе Сильвестре играла значительную роль в контексте споров, которые захватили церковь в период IV–V вв. Рассказ о римском епископе, излечившем императора Константина от проказы и тем самым побудившем его сделать христианство государственной религией, имел особое значение в вопросе о главенстве константинопольского патриарха, который возник из-за принятия Константинопольским собором 381 г. третьего канона, подтвержденного 28 канонами Халкедонского собора 451 г. В каноне говорилось о том, что «новому Риму» (т.е. Константинополю), местонахождению императора и Сената, должны принадлежать все привилегии, которые изначально принадлежали Риму [11. P. 259–263; 13]. Именно поэтому возникло предположение, что текст жития папы Сильвестра появился на Западе в контексте ответа западной церкви, и в первую очередь римских понтификов, на решения Константинопольского собора [5. S. 149]. Но было ли создано житие папы Сильвестра к тому моменту – сказать сложно. Впервые существование этого текста подтверждается в декрете папы Гелазия (492–496) «*Decretum Gelasianum de recipiendis et non recipiendis libris*» (494–498 г.): «*actus beati Silvestri apostolicae sedis praesulis a multis tamen in urbe Romana catholicis legi cognovimus*» [14. S. 400; 15. S. 42–43]. Он упоминается также в возникших примерно в это же время

Апокрифах Симмаха, а именно в деяниях Либерия: «*Hoc cum legisset ex libro antiquo <...> in nomine Iesu Christi a lepra mundatum fuisse per Silvestrum Constantinum*» [6. P. 96; 16. Гл. 8, кол. 1389].

Хотя дата возникновения жития папы Сильвестра падает на период между серединой IV в. и 492 г., просматривается связь данного сочинения с текстами, возникшими еще в первой половине IV в. Частью жития является так называемой *Conversio Constantini*, составленный в IV в. Этот текст снимал конфликты, создаваемые различиями в версиях крещения Константина, которые сложились к 337 г. В частности, *Conversio Constantini* позволял обойти ставший скользким к тому времени вопрос о крещении Константина арианином Евсевием Никомедийским, показывал несостоятельность языческих версий истории крещения Константина, которые связывали выбор новой религии только с желанием императора быстро избавиться от проказы, и делал это событие легитимным путем обращения к неоспоримому символу имперской власти – Риму [6. P. 96]. Фактически появление жития папы Сильвестра решало две основные задачи – избавлялось от арианского влияния в области церковной истории и устанавливало ту ортодоксальную точку зрения, которая соответствовала решениям вселенских II и IV соборов 380 и 451 гг.

Общая картина возникновения жития папы Сильвестра выглядит следующим образом. Версия о крещении Константина арианином Евсевием Никомедийским имела хождение и оставалась официальной только до того переломного момента, которым стало для империи правление Феодосия I [5. S. 124; 7. P. 45]. До 380-х гг. память о крещении Константина являлась своего рода «*hereditas fidei*», и даже споры между католиками и арианами не разрушали общую положительную оценку принятия христианства в качестве официальной религии империи. Поэтому версий этого события, которые бы открыто полемизировали между собой, не возникало. Но когда при Феодосии (380–395 гг.) изменился политический и церковный климат, когда никейская доктрина стала единственно верной, а раскол между Западом и Востоком в области церковной организации проявился не только в доктринальном, но и в институциональном аспекте, а именно в постановлении Константинопольского собора (380 г.) о главенстве Константинопольского патриарха в церковной иерархии, то появляются противоречащие друг другу версии крещения Константина [6. P. 92]. Тогда начинавшие набирать свои обороты регионализация и распад империи на западную и восточную части в значительной степени отразились не только на государстве, на сознании и устремлениях знати, составлявшей значительную часть гражданских чиновников и военных, но и на организации церкви и на самосознании ее представителей. Это и привело к оформлению легенды о крещении Константина в Риме. Если по версии Евсевия Кесарийского Константин был крещен незадолго до своей смерти арианином, епископом Евсевием Никомедийским, то в Житии папы Сильвестра этот эпизод датировался годом ранее, и само событие приписывалось католику, епископу Рима Сильвестру.

Однако даже оформление этой легенды, которой, кстати, придерживался Иероним, не привело к тому, что она стала официально принятой всеми церквями Запада. В 455 г. Проспер Аквитанский воспроизводит в своей хронике историю о крещении Константина Евсевием Никомедийским: «Constantinus extremo vitae suae tempore ab Eusebio Nicomedensi episcopo baptizatus in Aegrianum dogma declinat» [17. 1046. P. 452]. О широком распространении сообщения Иеронима на Западе хорошо известно [6. С. 98; 18. P. 226]. «Галльская хроника» сообщает о крещении Евсевием Никомедийским, но говорит об этом событии как о втором крещении (rebaptizatus) [18. P. 227; 19. A. DXI. Chron. 474. С. 643]. И это свидетельствует о существенной трансформации легенды о Константине Великом на Западе в период от IV к VIII в. В поздней Античности, а точнее с начала V в., легенда об обращении Константина Великого в христианство в Риме была, прежде всего, призвана защитить особое положение вечного города в условиях создания новой конфигурации церковной власти, установленной Константинопольским и Халкедонским соборами, которая получила название «пентархия». В представлении же западноевропейца эпохи Средневековья «Константинов дар» воспринимался как текст, защищающий приоритет пап в области не только духовной, но и светской власти, и направленный скорее против властителей Запада, чем церковных иерархов Востока [8. P. 111–114].

Подобное положение дел дает возможность заново поставить ряд вопросов о взаимоотношении политико-правового смысла легенды о крещении Константина (в ее широком смысле, а не просто «Константинова дара») и «Жития папы Сильвестра». Это особенно важно потому, что житие папы Сильвестра всегда находилось в тени более колоритного источника – «Константинова дара». Вместе с тем рукописная традиция жития папы Сильвестра показывает, что этот памятник был не менее значимым. Существует большое количество редакций «Деяний папы Сильвестра», а общее число рукописей достигает ста. Тем меньше внимания получил греческий текст «Жития папы Сильвестра». В XIX в. сложились две точки зрения на происхождение текста жития папы Сильвестра. С подачи Доллингера общепринятой стала уверенность в том, что при исследовании этого важнейшего для Средневековья текста нужно обращать внимание в первую очередь на латинский вариант, в то время как греческая редакция считается вторичной. Он также считал, что легенда о крещении Константина в Риме сложилась на Западе [4]. Французский исследователь истории папства и издатель *Liber pontificalis* Дюшен, наоборот, полагал, что легенда о крещении Константина папой Сильвестром пришла с Востока и была только адаптирована на Западе [20. С. 170–201. Introduction. С. СІХ, СХІІ].

На переломе XIX и XX в. у исследователей появилась новая аргументация. Если на Западе самое раннее упоминание о тексте, содержащем описание крещения Константина, относится только к концу V в., то на Востоке есть и более раннее. В частности, в Истории Армении Моисея Хоренского (середина V в.) мы находим легенду о крещении Константина, которая

фактически идентична западной версии жития папы Сильвестра. Исследователи начала XX в. относили Историю Армении к концу V в. Данная точка зрения стала широко распространенной и была воспроизведена в ряде стандартных публикаций и энциклопедий. Свое лингвистическое доказательство она обрела благодаря А. Гауденци, который сравнил латинский и греческий тексты, в результате чего появилась возможность утверждать, что последний имеет не только самостоятельное, но и первичное значение. Вопрос о первичности восточной версии легенды о крещении Константина в Риме на данный момент отошел на второй план, но занимающиеся этими сюжетами исследователи по-прежнему подчеркивают, что восточные версии имеют самостоятельное значение. В частности, в ряде работ указывается, что бытование этой легенды на Востоке было связано с доктринальными течениями и, возможно, даже с противостоянием идеям Халкедонского собора.

Вместе с тем некоторые исследователи сделали попытку опровергнуть это положение. Свои доказательства западного происхождения жития папы Сильвестра они основывали в первую очередь на более поздней датировке Истории Армении. Вильгельм Левисон в 1924 г. заново проанализировал текст «Константинова дара» и жития папы Сильвестра не только с опорой на внешние признаки, но и на рукописную традицию и показал, пусть и на сравнительно малом количестве примеров, что положение о первичности латинского текста имеет больше веса, чем утверждения о первичности греческого [2. S. 32]. Но к тому моменту, когда Левисон занимался своими изысканиями, произошла подмена сути спора. Вопрос о происхождении легенды о крещении Константина в Риме был заменен вопросом о том, был ли первичным греческий или латинский текст.

Таким образом, к началу XXI в. сложилась историографическая традиция, в соответствии с которой первичным считался именно латинский текст, а греческий рассматривался всего лишь как перевод. Повторяя аргументы Доллингера, современные исследователи тоже говорят о том, что наиболее ранней версией жития папы Сильвестра является пространная латинская редакция, которая обозначается сиглой А [6. P. 93; 7. P. 37–38]. Правда, историки не утверждают, что она может считаться примером агиографической литературы, и рассматривают ее скорее как полемическое сочинение [5. S. 124; 7. P. 45; 21. P. 17–58]. Но это представление базируется не столько на внутренней или внешней критике источника, сколько на понимании того, что житие появляется в контексте защиты папами своей позиции от патриархов Константинополя и именно в данных обстоятельствах оно обрело смысл.

Интерес к «Житию папы Сильвестра» фактически угас в начале XX в., что выразилось в первую очередь в нехарактерной для столь важного средневекового текста ситуации с его публикацией. Несмотря на попытки, предпринятые еще в начале XX в., до сих пор нет критических изданий ни латинской, ни греческой редакции. Те же издания, что есть, нельзя назвать «критическими» в современном смысле этого слова: в

частности, при публикации латинского текста разные редакции были сведены в одну, и поэтому изданный таким образом текст не соответствует ни одной из средневековых редакций, являясь фактически творением издателей [22–24]. Оценка текста как недостоверного содержится у Левисона [2. Р. 169]. Издание греческого текста было в последний раз предпринято Ф. Комбефисом в XVI в. [25. Р. 258–336].

Латинские тексты отличаются друг от друга следующими. Известны две редакции текста жития папы Сильвестра, обозначаемые сиглами А и В. Наиболее длинным и, возможно, самым ранним является текст, обозначенный сиглой А [5. S. 166; 7. Р. 38]. Он был опубликован Боницием Момбрицием в XV в. и переиздан в начале XX в. Большинство рукописей на латинском языке содержали редакцию А, в то время как редакция В, отраженная в значительно меньшем количестве рукописей, в основном существовала в греческих вариантах, например греческая редакция ВНГ 1628-1630, хотя встречались и латинские. Редакция А представляет собой более длинный текст, а редакция В – более короткий. Но самое главное различие состоит в том, что редакция А, возможно, была написана не как агиографическое, а скорее как полемическое сочинение в рамках теологических споров с язычниками и иудеями в процессе принятия в Риме и на Западе в целом новой религии [5. S. 166]. Она была составлена человеком, хорошо знакомым с реалиями города Рима и даже всей Западно-Римской империи. В частности, редакция А уделяет больше внимания социальному происхождению Сильвестра, представителя привилегированных слоев Римской империи, а также показывает хорошее знакомство ее автора с топографией Рима. В целом она демонстрирует большее знакомство своего составителя с историческими реалиями и не ограничивается традиционным для агиографической литературы повествованием только о благодати, нисшедшей на святого или о его мученичестве [2. Р. 181–191, 201; 21. Р. 58].

Другие особенности данной редакции позволили исследователям сделать выводы не только относительно ее датировки, но и того религиозно-догматического контекста, в котором она появилась. В ней специально оговаривается существование у Христа двух природ, человеческой и божественной, хотя автор рукописи не дал ответа на вопрос о соотношении между ними, и тем более не коснулся более тонких вопросов, возникших после Халкедонского собора, таких, например, которые привели к появлению монофелитства и связанных с ним богословских учений. Данное обстоятельство позволило утверждать, что редакция А появилась незадолго до или после Халкедонского собора, на котором вышеупомянутое положение было принято в качестве обязательного для тех, кто считал себя принадлежащими к лону церкви: «...qui dignatus est formam nostrae servitutis accipere et hominem perfectum Deus perfectum adsumere, ut in uno Deus et homo una persona hominibus credentibus subveniret» [2. Р. 199–200]. Одновременно этот факт говорит о том, что редакция А, скорее всего, появилась до того момента, когда споры, которые легли в основу решений Халкедонского собора, уступили ме-

сто новым и дали ход таким богословским учениям, как монофелитство (т.е. до VII в.). Как предполагают исследователи, они возникли в период 410-х гг., когда Западно-Римская империя была охвачена религиозными спорами с языческими и другими религиозными группами [7. Р. 45–46; 21. Р. 17–58].

Редакции, обозначенные сиглами В1 и В2, имеют иную структуру повествования. Главное отличие состоит в том, что эти две связанные между собой редакции принципиально отличаются от редакции А своим отношением к спорам о природе Христа. В редакции В уделено больше внимания соотношению между двумя природами. Воззрения автора более оформлены в доктринальном смысле и в большей степени напоминают ту доктрину, которая оформилась после Халкедонского собора. Кроме того, редакция В больше похожа на типичные жития и содержит намного меньше исторических реалий и деталей повседневной жизни города Рима. Данное обстоятельство позволило говорить о том, что ее автор вряд ли когда-нибудь бывал в Риме, хотя в этой редакции в целом крайне мало специфических деталей повседневности, и что он, скорее всего, принадлежал к кругам, в которых был более развит культ святых и соответствующие ему каноны агиографии. Это дало возможность исследователям утверждать, что редакция В происходит от редакции А, но она является результатом адаптации текста, написанного для Западно-Римской империи, к реалиям Восточно-Римской империи, Сирии или Палестины. Левисон считал, что греческие и другие редакции происходят от латинской редакции В1 [2. Р. 224]. Древнейшей рукописью редакции В, относящейся к X в., является *Bibliothèque Nationale Française Grec. 513, 77v-99v*, которая была опубликована в XVI в. в труде доминиканца Ф. Комбефиса [25. С. 253–346]. Эту рукопись он сравнил с *BNF Grec. 1448*.

Описанное выше противопоставление редакций А и В является значимым для тех рукописей, которые были известны исследователям на конец XX в. Однако одна рукопись греческой редакции, введенная в оборот в конце XIX в., дает возможность посмотреть на процесс развития и генезиса новых редакций с другой стороны. Это греческая редакция, находящаяся в рукописи из библиотеки г. Мессины, *Messanensis 87*. Она осталась практически неизвестной для европейских исследователей конца XIX – начала XX в., и в этот период на нее обратил внимание российский исследователь М.Н. Крашенинников (1865–1931). Он занялся коллициями греческого текста, взяв в качестве основы издание Комбефиса и выписав на полях подготовленной для этого тетрадки разночтения с тем текстом, который он нашел в рукописи *Messina 87* [26].

В данной статье не ставилась задача провести полный анализ соотношения двух греческих редакций. Подобная попытка была предпринята в другой публикации [Там же]. Но даже поверхностное знакомство с греческим текстом жития папы Сильвестра из этой рукописи позволяет сделать интересные выводы. Первый абзац этого жития в мессинской рукописи значительно отличается от того, который можно найти в редакции, изданной Комбефисом. В частно-

сти, автор говорит о том, что история появления патриарха в Константинополе уже была описана, а история появления папы в Риме еще не получила освещения. Первый абзац в греческой редакции, изданной Комбефисом, сообщает только о двух патриархатах, Риме и Константинополе, в то время как первый абзац латинской редакции А повествует не о двух великих городах, а о пяти – Рим, Александрия, Антиохия, Иерусалим, Эфес. Показательно то, что в греческой редакции жития папы Сильвестра из мессинской рукописи, которую в целом можно отнести к редакции В, начало практически полностью соответствовало тому, которое можно найти в латинской редакции А.

Смысл этих отличий понятен сразу: в латинской редакции было отражено то состояние церковной иерархии, которое сложилось после Халкедонского собора 451 г., закончившегося созданием пентархии, системы главенства пяти патриархов. Греческая же редакция, опубликованная Комбефисом, отражала состояние, существовавшее до Халкедонского собора. Этот факт можно объяснить двумя способами – либо редакция В, и в особенности ее греческие варианты, появилась ранее, чем редакция А, и возникли обе редакции на Востоке, либо они просто отразили нежелание принимать доктрину и, соответственно, ту систему церковной организации (т.е. Пентархию), которая была одобрена на соборе. Поэтому редакцию В жития папы Сильвестра и главным образом ее греческие варианты иногда считали монофизитской и связывали ее возникновение с Ближним Востоком (Сирией, Палестиной и прилегающими областями) [2. Р. 199–200].

Такое положение дел, сложившееся до находки греческой редакции жития папы Сильвестра в рукописи *Messanensis* 87, давало возможность исследователям выделить две противоположные тенденции в развитии жития. Сложилась традиция противопоставлять две версии этой легенды, восточную и западную, одну, появившуюся в монофизитских общинах Византии, и другую, возникшую в официальном контексте потерявшего свой имперский статус Рима.

Однако первый абзац греческого текста, содержащегося в мессинской рукописи, позволяет сделать вывод о том, что не следует говорить о распаде легенды и рукописных традиций на две практически независимые ветви. Редакция жития папы Сильвестра из мессинской рукописи была результатом контаминации редакций А и В. Первый абзац этой греческой редакции был идентичен первому абзацу латинской редакции А. Было и еще несколько отличий, которых мы не будем касаться в данной статье. Остальная же часть текста в целом совпадала с греческой редакцией рукописи, опубликованной Комбефисом. М.Н. Крашенинников, в отличие от своего предшественника, выдвинул в качестве рабочей гипотезы идею о том, что в качестве ядра текста и архетипа рукописи сле-

дует считать те редакции, в которых было более всего сходства между латинским и греческим вариантом, в отличие от точки зрения Левисона, считавшего именно латинский вариант наиболее ранним [26. С. 137–138].

Это дает возможность предположить, что текст жития, содержащийся в мессинской рукописи, представлял собой попытку адаптации греческого текста к реалиям церковной организации, сложившимся после Халкедонского собора и запечатленных в латинской версии жития папы Сильвестра. Греческая редакция В отражала изначальную версию жития папы Сильвестра, в которой главным было противостояние арианству, но еще не было указаний на четкую структуру церкви, что и было характерно для Константинопольского собора 381 г.

Интересно отметить, что исследование рукописной традиции показывает, что в латинской версии рано отразились реалии IV Вселенского собора. Но тем не менее, даже и такой скромный вывод дает возможность уточнить наше представление о том, как видоизменялись и путешествовали по раннему Средневековью легенды, объяснявшие и оправдывавшие политическую и церковную организацию той эпохи. Несмотря на то что мессинская рукопись не дает возможности установить приоритет греческой редакции над латинской, исследование «Жития папы Сильвестра» показывает, как адаптировалась к халкедонской доктрине и мироустройству идеология, возникшая в процессе отторжения новшеств, введенных этим собором.

Редакция жития папы Сильвестра из мессинской рукописи нуждается в дальнейшем исследовании с целью уточнения ее датировки. Но уже сейчас можно сказать, что этот текст, выразивший представления о независимости церковной власти от власти светской, был в равной степени широко известен в Византии и на Западе. Более того, сохранившиеся редакции показывают, что он, возможно, переписывался в Византии с целью соответствия представлениям о церковной власти, характерным для всего раннесредневекового Средиземноморья и возникшим в результате ряда попыток найти согласие между патриархами Константинополя и римскими папами. Это дает возможность утверждать, что деление раннесредневекового культурного пространства на Запад и Византию представлялось исследователям XIX и XX вв. более радикальным, чем оно виделось самим образованным людям той эпохи. По крайней мере, ключевые для истории светского и церковного права системы представлений, отразившиеся в значимой для раннесредневековой правовой культуры легенде о крещении императора Константина и той роли, которую сыграл в этом событии папа Сильвестр, в равной степени занимали важное место в умах образованной элиты как на Западе, так и в Византии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Döllinger J.J.I.v. Die Papst-Fabeln Des Mittelalters. Ein Beitrag Zur Kirchengeschichte. München : Minerva G.m.b.H., 1863. 159 s.
2. Levison W. Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende // *Miscellanea Francesco Ehrle* II. Bd. 2. Roma, 1924. S. 159–247. (Studi e Testi; 38).
3. Levison W. Das Formularbuch von Saint-Denis // *Neues Archiv*. 1917. Jg. 41. S. 283–304.
4. Döllinger I. v. Die Schenkung Constantins: ein Beitrag zur kritischen Beleuchtung der Papstfabeln des Mittelalters. Mainz : Giani, 1866. 34 s.

5. Pohlkamp W. Textfassungen, literarische Formen und geschichtliche Funktionen der römischen Silvesterakten // Francia. 1992. Jg. 19, Nr. 1. S. 115–196.
6. Amerise M. Il battesimo di Costantino il Grande: storia di una scomoda eredità. Stuttgart : F. Steiner, 2005. 177 p. (Hermes Einzelschriften; 95).
7. Canella T. Gli Actus Silvestri: genesi di una leggenda su Costantino imperatore. Spoleto : Fondazione Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 2006. 357 p. (Uomini e mondi medievali; 7).
8. Fried J. 'Donation of Constantine' and 'Constitutum Constantini': The Misinterpretation of a Fiction and its Original Meaning. Berlin : Walter de Gruyter, 2007. 201 p. (Millennium-Studien; 3).
9. Baynes N.H. Constantine the Great and the Christian Church. London : Oxford University Press for the British Academy, 1972. 107 p.
10. Jones A.H.M. Constantine and the conversion of Europe. London : English Universities Press, 1948. 271 p.
11. Dalla Chiesa antica alla Chiesa moderna: miscellanea per il cinquantenario della Pontificia Università gregoriana / a cura di M. Fois, V. Monachino, F. Litva. Roma : Università gregoriana, 1983.
12. Gregorius Turonensis. Libri Historiarum X // MGH Scriptores Rerum Merovingicarum. Bd. 1, T. 1. Gregorii episcopi Tironensis Libri Historiarum X / hrsg. von B. Krusch, W. Levison. 2. Aufl. Hannover, 1951. Buch 2. Kopf 31.
13. Monachino V. Il canone 28 di Calcedonia. L'Aquila, 1979. (Collana di testi storici; 10).
14. Pohlkamp W. Kaiser Konstantin: der heidnische und der christliche Kult in den Actus Silvestri // Frühmittelalterliche Studien. 1984. Jg. 18. S. 357–400.
15. Dobschutz E. Das Decretum Gelasianum de libris recipiendis et non recipiendis. Bd. 8 / hrsg. von O. Gebhardt, A. Harnack. Berlin, 1912. (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Reihe 3; 4).
16. Gesta Liberii // PL. Paris. Vol. 8.
17. Prosper Tironus. Prosperi Tironis epitoma chronicon // MGH AA. Vol. 9. Chronica minora / ed. by T. Mommsen. Berlin, 1892. P. 341–486.
18. Aiello V. Sulla fortuna della notizia geronimiana su Costantino 'eretico' // Messana. 1992. Vol. 13. P. 221–237.
19. Prosper Tironus. Chronica Gallica // MGH AA. Vol. 9. Chronica minora / ed. by T. Mommsen. Berlin, 1892. P. 615–666.
20. Duchesne L., Vogel C. Le Liber pontificalis. Paris : E. Thorin, 1957. Vol. 1.
21. Aiello V. Costantino, la lebbra e il battesimo di Silvestro, in Costantino il Grande // Dall'antichità all'umanesimo. Atti del convegno internazionale. Macerata 18–20 dic. 1990, vol. 1. Macerata, 1992. P. 17–58.
22. Legenda sancti Silvestri. Bruxelles, 1478.
23. Vita Sylvestri papae // Sanctuarium Seu Vitae Sanctorum / modificato B. Mombrizio. Milano, 1480. T. 2. P. 279v–293v.
24. Vita Sylvestris papae // Sanctuarium seu Vitae sanctorum / sous la dir. de B. Mombrizio, A. Brunet. Parisiis : apud Albertum Fontemoing, 1910. P. 508–531.
25. Vita Sylvestris papae / sous la dir. de F. Combefis. Paris, 1660.
26. Старостин Д.Н. Малоизвестный сюжет из истории отечественного византиноведения: неудавшиеся попытки издания «Жития Константина и Елены» и «Жития папы Сильвестра» в конце XIX – начале XX в. и новые данные о рукописной традиции этих текстов // Византийский временник. 2012. Т. 71 (96). С. 126–139.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 января 2017 г.

THE LIFE OF POPE SYLVESTER AND THE SEARCH FOR THE IDEAS OF A CHRISTIAN EMPIRE: ISSUES OF THE MANUSCRIPT TRADITION IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE CHURCH IN THE 4TH–6TH CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 415, 119–125.

DOI: 10.17223/15617793/415/16

Dmitriy N. Starostin, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: d.starostin@spbu.ru; dstarostin@yandex.ru

Keywords: *Life of Pope Sylvester*; *Donation of Constantine*; images of authority in the Middle Ages; Late Antiquity; Early Medieval power structures.

The article addresses the image of Constantine the Great, the Roman emperor who made Christianity the state religion of the empire, in the context of Late Antique transformations of the system of values and representations of power. The emphasis is made on the fact that it was not *The Donation of Constantine*, but rather *The Life of Pope Sylvester* that was the better known text whose importance for construction of the Western church's authority was more significant than that of the former. The *Life* may have been directly linked to the interests of the Roman see because its plot and message legitimized the primacy of the Roman archbishop's power which allowed the latter to exercise moral and religious authority over Constantine the Great, because the leprosy which the emperor contracted was healed by the baptism administered by the prelate of Rome. The main problem for researchers was the comparison and understanding of the differences between the longer redaction A and the shorter redaction B, both of which existed in Latin and Greek variants. *The Life of Pope Sylvester* was believed to have the Western origin, which had been exported to the East to support the claims of the Roman popes for their primacy in the West. One may agree with this thesis in general, but this article argues, that the text was widely known and disseminated both in the West and in the East from the 4th century and was copied many times. Study of the process by which the main redactions originated one from another shows that while in the West the Papacy immediately accepted the results of the Council of Chalcedon of 451, which established the five main metropolitan sees, in the East another construction of ecclesiastical authority which consisted only of Rome, Alexandria and Antioch and which may not have been beneficial for the Constantinople patriarchate was imagined by educated people and churchmen for a long time. It can be explained only by the fact that the more traditional understanding of the history of the Mediterranean and the church had been widespread for a long time, the understanding which relied more on the tradition and paid less attention to the possible benefits that might have emerged from accepting the decisions of the Council of Chalcedon. These decisions might not have been beneficial for the Constantinople patriarchate which fell in line with the interests of the Roman see. Interestingly, in the 9th century the Greek versions came to be re-written to put their vision of the church hierarchy in line with the decisions of the Chalcedon Council, which a manuscript from Messana tells us. This means that the cultural unity of the Mediterranean did exist and that both the Western and the Eastern Roman empire recognized the continuity of Rome during the principate and later, during the dominate when Christianity became the state religion.

REFERENCES

1. Döllinger, J.J.I.v. (1863) *Die Papst-Fabeln Des Mittelalters. Ein Beitrag Zur Kirchengeschichte* [The Pope Fables Of The Middle Ages. A Contribution To Church History]. Munich: Minerva G.m.b.H.

2. Levison, W. (1924) Konstantinische Schenkung und Silvesterlegende [Constantine's Donation and New Year's Eve]. In: *Miscellanea Francesco Ehrle II*. Vol. 2. Rome.
3. Levison, W. (1917) Das Formularbuch von Saint-Denis [The form book of Saint Denis]. *Neues Archiv*. 41. pp. 283–304.
4. Döllinger, J.J.I.v. (1866) *Die Schenkung Constantins: ein Beitrag zur kritischen Beleuchtung der Papsfabeln des Mittelalters* [The Donation of Constantine: a contribution to the critical illumination of the pope fables of the Middle Ages]. Mainz: Giani.
5. Pohlkamp, W. (1992) Textfassungen, literarische Formen und geschichtliche Funktionen der römischen Silvesterakten [Texts, literary forms and historical functions of the Roman New Year's Eve]. *Francia*. 19:1. pp. 115–196.
6. Amerise, M. (2005) *Il battesimo di Costantino il Grande: storia di una scomoda eredità* [The baptism of Constantine the Great: the story of an uncomfortable legacy]. Stuttgart: F. Steiner.
7. Canella, T. (2006) *Gli Actus Silvestri: genesi di una leggenda su Costantino imperatore* [The Actus Silvestri: the genesis of a legend of Emperor Constantine]. Spoleto: Fondazione Centro italiano di studi sull'alto Medioevo.
8. Fried, J. (2007) "Donation of Constantine" and "Constitutum Constantini": *The Misinterpretation of a Fiction and its Original Meaning*. Berlin: Walter de Gruyter.
9. Baynes, N.H. (1972) *Constantine the Great and the Christian Church*. London: Oxford University Press for the British Academy.
10. Jones, A.H.M. (1948) *Constantine and the conversion of Europe*. London: English Universities Press.
11. Fois, M., Monachino, V. & Litva, F. (eds) (1983) *Dalla Chiesa antica alla Chiesa moderna: miscellanea per il cinquantesimo della Facoltà di storia ecclesiastica della Pontificia Università gregoriana* [From the early Church to the modern Church: miscellaneous for the fiftieth anniversary of the Faculty of Church History at the Pontifical Gregorian University]. Rome: Gregorian University.
12. Gregorius Turonensis. (1951) Libri Historiarum X. In: *MGH Scriptores Rerum Merovingicarum*. Vol. 1. Pt. 1. Hannover.
13. Monachino, V. (1979) *Il canone 28 di Calcedonia* [Canone 28 of Chalcedon]. L'Aquila.
14. Pohlkamp, W. (1984) Kaiser Konstantin: der heidnische und der christliche Kult in den Actus Silvestri [Emperor Constantine: the Heindian and Christian cult in the Actus Silvestri]. *Frühmittelalterliche Studien*. 18. pp. 357–400.
15. Dobschutz, E. (1912) *Das Decretum Gelasianum de libris recipiendis et non recipiendis* [A Decree Gelasianum on the books to be received, and not to be received]. Vol. 8. Berlin.
16. Migne, J.P. (ed.) (1844) *Gesta Liberii*. PL. 8. (In Latin).
17. Prosper Tironus. (1892) *Prosperi Tironis epitoma chronicon*. *MGH AA*. 9. pp. 341–486. (In Latin).
18. Aiello, V. (1992) Sulla fortuna della notizia geronimiana su Costantino 'eretico' [Jerome's luck on the news of Constantine the 'heretic']. *Messana*. 13. pp. 221–237.
19. Prosper Tironus. (1892) *Chronica Gallica* [French Chronicle]. *MGH AA*. 9. pp. 615–666.
20. Duchesne, L. & Vogel, C. (1957) *Le Liber pontificalis*. Vol. 1. Paris: E. Thorin. (In Latin).
21. Aiello, V. (1992) Costantino, la lebbra e il battesimo di Silvestro, in Costantino il Grande. *Dall'antichità all'umanesimo*. Atti del convegno internazionale. Macerata. 18–20 dic. 1990. Vol. 1. Macerata. pp. 17–58. (In Italian).
22. Anon. (1478) *Legenda sancti Silvestri* [The Legend of St. Sylvester]. Brussels.
23. Anon. (1480) *Vita Sylvestri papae* [The life of Pope Sylvester]. In: Mombricitus, B. (ed.) *Sanctuarium Seu Vitae Sanctorum*. Vol. 2. Milan.
24. Anon. (1910) *Vita Sylvestri papae* [The life of Pope Sylvester]. In: Mombrizio, B. & Brunet, A. (eds) *Sanctuarium seu Vitae sanctorum*. Paris: apud Albertum Fontemoing.
25. Combefis, F. (ed.) (1660) *Vita Sylvestris papae* [The life of Pope Sylvester]. Paris.
26. Starostin, D.N. (2012) Maloizvestnyĭ syuzhet iz istorii otechestvennogo vizantinovedeniya: neudavshiesya popytki izdaniya "Zhitiya Konstantina i Eleny" i "Zhitiya papy Sil'vestra" v kontse XIX – nachale XX v. i novye dannye o rukopisnoi traditsii etikh tekstov [The little-known story of the history of Russian Byzantine studies: failed attempts to publish the edition of The Life of Constantine and Helena and The Life of Pope Sylvester in the late 19th – early 20th centuries, and new data on the manuscript tradition of these texts]. *Vizantiyskiy vremennik*. 71 (96). pp. 126–139.

Received: 09 January 2017